

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Готовцева А.Г. Демулен против Бриссо: эпизод истории французской революционной журналистики // Филология: научные исследования. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.1.73067 EDN: ATFSUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73067

Демулен против Бриссо: эпизод истории французской революционной журналистики

Готовцева Анастасия Геннадьевна

доктор филологических наук

профессор; кафедра журналистики и телевизионных технологий; Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
ведущий научный сотрудник; Институт научной информации по общественным наукам РАН

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовническая, 33, стр. 1

✉ brunhilda@yandex.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-историческое литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.1.73067

EDN:

ATFSUE

Дата направления статьи в редакцию:

11-01-2025

Дата публикации:

18-01-2025

Аннотация: Статья посвящена одному из эпизодов истории французской революционной журналистики — полемическому противостоянию лидера жирондистов Ж.-П. Бриссо и сторонника более радикальной партии монтаньяров К. Демулена. Рассматриваются тексты периодических изданий — «Французской патриот» и «Трибуна патриотов», памфлетов Демулена, Бриссо, а также речей идеолога якобинцев Робеспьера. Бриссо, нападая на крайне левых членов Якобинского клуба и Конвента писал о существовании среди революционеров партии дезорганизаторов, которая «хочет все разрушить и ничего построить», «общества без правительства и правительства без власти», «не конституции, а революций». Демулен же, как Робеспьер, обвинял жирондистов в работе на английскую корону и желании создать «федеративное правительство», расчленив

таким образом страну, что, по сути, представляло собой обвинение в государственной измене. Методология проведенного исследования имеет комплексный характер, при котором были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, биографический метод, сравнительно-исторический и описательный методы, а также метод дискурсивного анализа, который сочетает изучение лингвистических особенностей текста источника и различных экстралингвистических аспектов. В статье рассматривается соотношение юридической законности и революционного правосознания. Революционеры отменили правовые нормы Старого режима и заменили их интуитивным ощущением опасности, угрожающей Революции. Судебный приговор выносился не на основе реальной преступной деятельности, а на основе внутреннего убеждения в виновности подсудимого перед Республикой. В своих текстах против бриссотинцев Демулен опирался не на доказывающие их вину факты и не на юридические нормы, а пытался эмоционально воодушевить в своих читателях ненависть к врагам Революции. За полемикой Демулена и Бриссо стояли не столько идейные разногласия, сколько желание обеспечить себе лидирующее положение в Национальном конвенте. В этом смысле Демулен являлся выразителем взглядов и политических амбиций всей якобинской группировки, в руках которой памфлеты Демулена были сильнейшим оружием и способствовали падению и казни жирондистов.

Ключевые слова:

полемика, Французская революция, жирондисты, монтаньяры, Бриссо, Демулен, Робеспьер, Разоблаченный Бриссо, История бриссотинцев, Якобинский клуб

Одним из самых ярких явлений в журналистике второго периода Революции была полемика лидера жирондистов Жака-Пьера Бриссо (Jacques-Pierre Brissot de Warville, 1754–1793) и адвоката Камиля Демулена (Lucie-Simplice-Camille-Benoît Desmoulins, 1760–1794), выражающего взгляды монтаньяров или якобинцев, которых правомерно так называть с момента вытеснения ими жирондистов из Якобинского клуба.

Методология, актуальность, новизна

Методология проведенного исследования имеет комплексный характер, при котором были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, биографический метод, сравнительно-исторический и описательный методы, а также метод дискурсивного анализа, который сочетает изучение лингвистических особенностей текста источника и различных экстралингвистических аспектов. Данную статью можно считать не только первым опытом подробного изложения в отечественной науке о журналистике истории неизвестной полемики Бриссо и Демулена, но и начальным подходом к анализу языковой личности и образа авторов [\[1; 2\]](#), то есть Бриссо и Демулена, как революционеров и журналистов. Деятели переломных, судьбоносных эпох, каковой является, безусловно, эпоха Французской революции, в этом смысле представляют несомненный интерес, т. к. их языковая личность и ее тезаурус складываются в экстраординарных быстро меняющихся обстоятельствах [\[3\]](#). Однако на всеобъемлющий анализ языковых личностей Бриссо и Демулена статья не претендует, т. к. рассматривает лишь ограниченный комплекс их текстов. Кроме этого, исследовательская оптика автора была сосредоточена скорее на историческом аспекте журналистского творчества, нежели в вопросах медиалингвистики.

«Я давно заметил недоброжелательность по отношению ко мне»

Противостояние между двумя успешными политиками и журналистами началось в последние месяцы первого периода Революции, накануне падения монархии, когда ситуация на внешнем контуре, где европейские монархи готовили вторжение во Францию, с одной стороны, и на внутренней арене, где нарастал антагонизм между сторонниками короля и его противниками, становилась все более тревожной.

Принадлежащие к одному радикальному лагерю в первый период Революции, имевшие не просто хорошие, а дружеские отношения — Бриссо был одним из свидетелей на свадьбе Демулена — два журналиста в начале 1792 г. дошли до взаимных оскорблений и неприязни, которые вылились на печатные страницы.

Первые полемические столкновения произошли весной 1791 г., когда газета «Революции Франции и Брабанта» (фр. *Révolutions de France et de Brabant*) Демулена, начинающего журналиста, молодого и дерзкого, нападала на Бриссо за умеренность, как-то заявив даже, что он «постоянно выступает против якобинцев», и получала ответ на страницах «Французского патриота» (фр. *Le Patriote français*) лидера жирондистов [\[4, p. 327–330\]](#).

В начале 1792 г. толчок полемике между двумя журналистами дала совершенно частная ситуация. Демулен к тому моменту уже прекратил издание своих «Революций...» и возобновил адвокатскую деятельность. Финансовые трудности заставили его участвовать в судебной защите содержателей игорного дома, функционировавшего на улице Радзивилла в Париже. Некий господин Дитюрбид (*Dithurbide*) и мадам Беффруа (*Beffroy*) были приговорены судом к нескольким месяцам заключения и отправлены в тюрьму, несмотря на поданную апелляцию. Демулен расклеил на стенах домов большие красные плакаты, в которых выступал с протестом против несправедливого приговора и нападал на судей: *«Невиновность двух обвиняемых будет показана; эта афиша предназначено только для того, чтобы показать преступление судей. В газетах писали, что они расправились с игорными притонами, но есть ли игорный притон более гнусный, чем суд, где посягают на свободу личности?»* Он утверждал, что осужденных ввиду апелляции должны были освободить под залог, а также поднимал вопрос о разграничении между пороком и преступлением, азартными играми и воровством. Доказывая, что страсть к азартным играм имеет глубокие исторические корни, Демулен заявлял, что тем более она имеет право на реализацию теперь, когда *«Декларация прав провозгласила свободу делать все, что вредит только самому себе, не причиняя вреда другим»*. Текст плакатов был озаглавлен «Нарушение закона» (фр. *Violation de la loi*) и подписан «Камиль Демулен, законник» (фр. *Camille Desmoulins, homme de loi*).

Вопросы, поставленные в демуленовском тексте, действительно, имели свою логику, которая была поддержана апелляционным судом: итогом дела стало полное освобождение обвиняемых и снятие с них всех обвинений. Однако тон плаката был резок, нападки на судей казались слишком аморальными, недопустимым представлялось и то, что сама мораль объявлялась необязательной: *«Нашей свободе пришел бы конец, если бы она опиралась на мораль. У нее более прочная основа: общий интерес»* [\[5, p. 184, 185\]](#).

Все это привело к тому, что «Французский патриот» Бриссо устами его ближайшего соратника Жозефа Жире-Дюпре (фр. *Joseph-Marie Girey-Dupré*, 1769–1793) выступил с жесткими выпадами против Демулена: *«Все стены измараны красным плакатом, подписанным Камилем Демуленом, в котором после софистического оправдания нескольких банкиров и содержателей игорных домов, осужденных уголовным*

полицейским судом, после грубых оскорблений, брошенных в адрес судей, исполнявших свой долг, мы обнаруживаем отвратительные инвективы в адрес морали и скандальную апологию азартных игр. Этот человек называет себя патриотом только для того, чтобы оклеветать патриотизм» (1792, 31 janvier, No 904, p. 122).

На этом, однако, газета не остановилась. В феврале 1792 г. тот же Жире-Дюпре опубликовал два открытых письма Демулену. В первом письме 6 февраля он обвинял адвоката в том, что тот готов извращенно толковать закон ради денег, заплаченных ему его клиентами, и повторял тезис о том, что все его интенции в защиту обвиняемых являются «софизмом», а не верной трактовкой законов, как старых, так и новых. «Я доказал, — писал Жире-Дюпре с сарказмом — что как законник вы оправдали посредством софизмов дельцов, к которым вы проявляете столь нежный интерес, интерес, без сомнения, весьма бескорыстный». Суд, который Демулен обвинял, «Французский патриот» брал под защиту, а самого Демулена исподволь уличал в том, что он не уважает закон и унижает граждан: «Как законник (*homme de loi*), вы также сочли должным постыдно оскорбить судей, против которых у вас ничего не было; вы назвали гнусным игорным притоном суд, который виновен лишь в преследовании игорных притонов с мужественной настойчивостью; вы дали понять, что он применил такую строгость только потому, что рассчитывал устроить виновных. Я не знаю, является ли это тоном законника; но я знаю, что это не тон законника, который любит законы, человека, который уважает их в своем лице, человека, который умеет указать на их недостатки, но который остерегается унижать граждан, нуждающихся в оказании общественного уважения, который верит в необходимость репутации и необходимость морали» (1792, 6 février, No 910, p. 149).

Второе открытое письмо было еще более резким. Жире-Дюпре критиковал не только текст демуленовского плаката, но и задевал его самого: «То, что вы, будучи законником, взялись за дурное дело, что вы защищали его по дурным причинам, — это никого не удивит, но то, что вы, как гражданин, как патриот, пытались доказать, что мораль — это излишество <...> имеет право удивить, особенно тех, кто украсил вас муниципальным шарфом (*décorer (ceindre) de l'écharpe municipale* (фр. досл.: украсить (подпоясать) муниципальным шарфом) — фразеологема, означающая получение той или иной должности. Демулен был адвокатом Парижского парламента, приняв в качестве такового присягу еще в 1785 г.) Вы говорите, что это был бы конец нашей свободы, если бы она опиралась на мораль. У вас могут быть свои причины так говорить; позвольте мне высказать вам те, которые заставляют меня думать иначе. При свободном режиме существует непрерывная борьба между интересом общим и интересами частными; между интересом общим, всегда основанном на справедливости и разуме, и интересами частными, часто ошибочными, часто порочными. Итак, чем меньше в нации нравственности, чем больше интересов, расходящихся с общим интересом, тем больше врагов у свободы».

В конце второго письма Жире-Дюпре объявил, что ни он, ни Бриссо не будут участвовать в полемике с личными выпадами, отвлекая на нее общественность, поскольку они «преданы делу свободы» и не хотят ни отвечать на речи, ни покупать молчание своего оппонента (1792, No 915, 11 février, p. 169).

Демулен, не имевший в этот период своей газеты, ответил едким памфлетом — брошюрой «Разоблаченный Жан-Пьер Бриссо» (фр. *Jean-Pierre Brissot Démasqué*, в заголовке памфлета имя Бриссо обозначено так). К его написанию журналиста подвигло помимо прочего то, что его ближайший друг Робеспьер теперь не был депутатом нового Законодательного собрания, а избранный туда Бриссо, напротив, набирал популярность,

приобретая все больше сторонников, что, несомненно, беспокоило робеспьеристов. *«Незачем говорить, — заявил Демулен, — что диатриба не ваша, что она признана и подписана Жире-Дюпре. Хозяин ответственен за проступки слуги, а правитель — за тех, кто находится под его властью. Журналисту удобно посадить господина Жире на круп, чтобы прикрыть свою спину. Но я хватаю поводья, потому что это вы тот, кто их держит и тот, кто обрушил на меня этот удар. Я давно заметил эту недоброжелательность по отношению ко мне»* [\[6, p. 51\]](#).

Обиженный Демулен с головой бросился в полемический омут. Личные оскорбления начались уже с эпиграфа. Бурная молодость лидера жирондистов давала много поводов для критики, в частности ходили слухи, что он некогда объявил подписку на издание книги, но так ничего и не издал, а собранные деньги присвоил себе, спровоцировав даже появление неологизма «бриссотер», что значит — мошенник. Этим воспользовался его соперник, поставив эпиграфом к своей брошюре библейскую цитату, содержащую очень прозрачный и злой намек: *“Factus sum in proverbium”* [“Я сделался пословицей”]. Демулен помечает эту цитату как взятую из книги Псалмов царя Давида. На самом деле эту латинскую фразу содержал комментарий Фомы Аквинского к 29 Псалму, в котором он, в свою очередь, привел цитату из книги Иова (Иов 30:9).

Демулен безапелляционно бросил в лицо Бриссо жестокое обвинение: *«Между всеми революционными писателями вы были самым вероломным, истинным Тартюфом патриотизма и изменником отечества, по определению, данному этому Демосфеном»* [\[6, p. 221\]](#). Измена отечеству — самое тяжкое преступление для политического деятеля. И далее автор памфлета, ловко подбирая факты и цитаты из «Французского патриота» одна к другой, выставляет своего оппонента предателем, который служит Лафайету, после событий на Марсовом поле ставшему для революционеров едва ли не главным врагом. Собственно, имя Лафайета употребляется в тексте памфлета лишь немногим реже, чем Бриссо: *«Я никогда не хвалил Лафайета», — сказал нам как-то Бриссо в Якобинском клубе, столь же трусливо, сколь нагло. Вы никогда не хвалили его! Отрицайте же, что еще за несколько недель перед резней на Марсовом поле вы написали в вашем листке: “Отставка г-на Лафайета является настоящим бедствием”. <...> Отрицайте, что в том же номере вашей газеты вы добавили: “Г-н Лафайет несмотря на непопулярность, которую навлекли на него некоторые его слабости, пользуется почти всеобщим уважением”. Вам памятно, как по этому случаю я жестоко высек вас в моем № 74 (газеты «Революции Франции и Брабанта» — А.Г.), отсюда ваша злоба. Вы, такой многословный, не произнесли ни слова в ответ; затем вы осторожно ждали, чтобы я перестал писать для того, чтобы мне отомстить»* [\[6, p. 24\]](#).

Эта защита Лафайета (по крайней мере именно так трактовались речи Бриссо его противниками) дорого обошлась лидеру жирондистов. Демулен дал ему лишь одну сомнительную альтернативу: *«Если вы не предатель, то вы глупейший из людей»*.

И далее он развил свое нападение: *«В тот момент, когда Лафайету была дана отставка, когда часть столицы требовала его изгнания, когда солдаты бросали свои армии и даже поворачивались против своих генералов, вместо того чтобы подчиниться его явно контрреволюционным и отцеубийственным приказам, кто может сомневаться в том, что нам удалось бы свергнуть идола, если бы вы присоединились к нам, чтобы подорвать уже потрясенный со всех сторон пьедестал; если бы вместо того, чтобы опозорить себя навеки этой Иеремиадой об увольнении сообщника Буйе, вы поддержали бы наши усилия открыть глаза всем, кто не претворяется слепым, если бы вы искупили два года подхалимства и лести, воссоединившись, наконец, с Лустало, Робером, Оратором*

народа, Другом народа, Карра, Одоэном и всеми истинно патриотическими писателями <...> Именно вы, Бриссо, прикрываете Лафайета своим поручительством, своей ответственностью и своей репутацией, которой вы окружили такую трудолюбивую жизнь, строгостью ваших принципов и вашим пуританством» [6, p. 27–29].

Бриссо обвиняется также в том, что он, будучи одним из основателей Общества друзей чернокожих, слишком поспешно ставил вопрос о статусе населения колоний, чем якобы спровоцировал кровавые восстания в Сен-Доминго, приведшие к гибели множества людей. Жирондисты настаивали на неотторжимости колониальных территорий от Франции и на необходимости реформирования там политической системы. В марте 1792 г. специальным декретом после долгих обсуждений в правах были уравнены представители белого и свободного цветного населения. Тем не менее несоответствие законодательства колоний и метрополии позволяло до определенного момента поддерживать там рабство, но уже распространение прав человека, принятых Революцией, на колониальное население вызывало противодействие сторонников традиционного уклада и рабского труда. С другой стороны рабы, получившие сведения о Революции и Декларации прав человека, поднимали восстания, требуя освобождения. Жирондистским правительством в марте 1792 г. был принят специальный декрет на этот счет [7, p. 274–276]. Для предупреждения беспорядков, уже имевших место к тому моменту в колониях, назначенным метрополией специальным комиссарам предоставлялось право «прибегать к помощи сил общественного порядка, когда сочтут это необходимым». Монтаньяры же, настаивая в итоге на освобождении рабов, не считали, однако, вопрос колоний первостепенным, полагая, что, если белые колонисты будут оказывать сопротивление уравниванию их в правах со свободными цветными, метрополии не следует вообще вмешиваться в эти вопросы. Робеспьер заявлял еще в 1791 г. «Пусть погибнут колонии, но не принцип!» [см. подр.: 8].

Демулен в своем памфлете прибегал к прозрачной аллюзии — он называл своего оппонента Синоном, т.е. давал ему имя древнегреческого героя, брата Одиссея, убедившего троянцев встать коня в город и обеспечивавшего таким образом падение Трои. Он задавал своим читателям риторический вопрос, уже содержащий в себе ответ: «Было ли хорошей политикой Ж. П. Бриссо <...> упорно ставить на повестку дня вопросы, по которым, без сомнения, нельзя было отрицать, что он был прав, но сам интерес свободы обязывал его отложить до более спокойных времен вопросы статуса цветных и чернокожих? Я знаю, какую роль сыграли исполнительная власть, Испания и контрреволюция в пожарах, массовых убийствах и опустошениях Сен-Доминго; но разве не Бриссо был первым, кто поджег эти прекрасные земли? Да, Бриссо, вы не можете этого отрицать; ибо мы предсказывали вам эти бедствия прежде, чем они произошли; мы спрашивали вас, не трепещете ли вы от страшной ответственности, которой обременяла вас ваша поспешность. Мы показали вам пламя Порт-о-Пренса и Капа, и вы не можете отговориться неведением. Да, если столько домов превратилось в пепел, если потрошили женщин, если ребенок, которого несли на конце пики, служил знаменем для негров, если сами негры гибли тысячами, то это ты, негодяй, был первопричиной столь большого зла» [6, p. 38–39].

Причиной же столь рьяного отстаивания прав чернокожих, по мнению Демулена, было вовсе не сострадание к тяжелой судьбе рабов, а желание отвлечь внимание от убийств на Марсовом поле. Снова обращаясь к Бриссо, Демулен спрашивал: «Разве ты не находишь вокруг себя достаточно предметов, чтобы проявить свою чувствительность, которая молчала о жертвах Лафайета и была полностью сосредоточена за морем? Кто не видит, что ты плачешь по чернокожим, чтобы избавить себя от стенаний о французской

гвардии, Шатовье и многих других (имеется в виду Французский гвардейский полк, принимавший активное участие в революционных событиях 1789 г. и распущенный королем после штурма Бастилии, и швейцарский полк Шатовье, участвующий в волнениях в Нанси — А.Г.)».

Под пером Демулена Бриссо весьма убедительно был превращен в провокатора, навлекшего беду на головы своих соратников частым и неуместным использованием слов «республиканец» и «республика»: *«Было ли это хорошей политикой, когда Франция была провозглашена монархией, когда имя республики пугало 9 десятых нации, когда те, кто считался самыми ярыми демократами, Лустало, Робеспьер, Карра, Фрерон, Дантон, я, сам Марат, запретили себе произносить это слово, было ли хорошей политикой вам, Бриссо, украсить себя именем республиканца, пропечатать на всех своих листках слово республика, заставить людей поверить, что таково было мнение якобинцев, и позволить клевету и ненависть всем их врагам?»* [6, p. 41–42].

Резня на Марсовом поле, по утверждению Демулена, — тоже результат провокации Бриссо. Обвинения свои автор «Разоблаченного Бриссо» основывает лишь на том факте, что лидер жирондистов не подвергся преследованиям после этих кровавых событий: *«Как получилось, что именно вы составили знаменитую петицию (о низложении короля — А.Г.) на Марсовом поле? Что думать, когда приходит на мысль, что все мы преследуемы за республиканизм, и, как подписавшие эту петицию, мы были объявлены в розыск и вынуждены бежать, в то время как вы, редактор петиции, вы, вождь республиканцев, единственный, принимавший это звание на протяжении шести месяцев, как будто взявший разрешение у предателей на его выставление напоказ, вы спокойно прогуливались по Парижу?»* [6, p. 43].

Это обвинение было более чем спорно. Активное участие в событиях на Марсовом поле принял сам Демулен, приведя туда наиболее радикально настроенных граждан, не желающих расходиться и не слушающих никаких увещаний, что в итоге и привело к стрельбе и убийствам.

Весной 1792 г. раздор между жирондистами и монтаньярами продолжился. В центре его были все те же вопросы, чисто политические, прежде всего — о войне с европейскими «коронованными тиранами», объявить которую требовали сторонники Бриссо. Робеспьер, Дантон и Демулен выступали против этого.

В первом номере своей новой газеты, выпускаемой совместно с Л.М. Фрероном под названием «Трибуна патриотов» (фр. Tribune des Patriotes) Демулен заметил по поводу объявления войны королю Венгрии и Богемии: *«На мой взгляд, нацию только что втянули в войну за свободу, нескончаемую столь же победами, сколь и поражениями генералов»* (1792, 30 avr., No 1, p. 16). Это был камень в огород Бриссо.

В том же номере Демулен привычно нападал на Лафайета, «креатурой» которого под его пером оказывается Бриссо. Лафайет на все, даже самые мелкие должности расставил преданных ему людей, одним из которых, по мнению Демулена, являлся лидер жирондистов, свое место в Законодательном собрании получивший благодаря генералу. Впрочем, благосклонность эта предоставлялась на взаимной основе. Для Лайфаейта, как считает Демулен, важны не политические идеи и не нравственные качества, а личная преданность окружающих его людей. Поэтому его окружение состоит из адъютантов и друзей, продажных писателей и судей, доносчиков и головорезов. Представляя Бриссо как креатуру Лафайета, с подачи которого последний делал важные назначения в провинциях, доверив новоявленный «лист бенефиций» (1792, 30 avr., No 1, p. 19–20),

Демулен бросал публичное обвинение в политическом предательстве не только Бриссо, но и всем революционерам, включенным в этот список. Лист бенефиций (*фр. feuille des bénéfices*) при Старом режиме представлял собой список кандидатов на церковные должности, подносимый королю для дальнейшего назначения. Рассуждение о нем имело двойную функцию. С одной стороны, оно приравнивало Лафайета к сторонникам Старого режима и вместе с тем указывало членам Национального собрания на предателей в их рядах.

«Партия дезорганизаторов»

Последний акт полемики между Бриссо и Демуленом разыгрался на фоне жесткого противостояния жирондистов и якобинцев в новоизбранном Национальном конвенте. Смена политического строя — свержение монархии и установление Республики — война на границах, борьба за власть между разными политическими силами провоцировали новый этап конфликта, который выходил за рамки личного и имел и в итоге трагические последствия. Жирондисты доминировали в Конвенте и, следовательно, формировали правительство, монтаньяры — в Якобинском клубе. Первые считали себя вправе определять политику новоявленной Французской Республики, вторые — не были с этим согласны. При этом единства не было и внутри каждой условной «партии», политическая группы искали каждая собственной выгоды.

Бриссо, как один из лидеров жирондистов, на страницах своей газеты «Французский патриот» на третий день после начала заседаний Конвента, высказал следующее суждение о расстановке политических сил: *«Впервые в ходе этих дебатов мы заметили две системы, которые однажды могли бы разделить Конвент, если бы две с половиной трети собрания уже не высказались решительно в пользу порядка. Одна склоняется к разрушению всех существующих учреждений, к всеобщему уравниванию, уравниванию, которое она была вынуждена ужесточить по статье собственности, потому что она возмутила всю Францию; другая имеет тенденцию временно сохранять то, что существует, и последовательно реформировать, не дезорганизовывая его внезапно. Одна вечно восхваляет суверенитет народа, но тем самым склоняется к анархии, которая убивает народ; другая не льстит народу, а лучше служит ему, стремясь к порядку, при котором народ только и может существовать. Опять же, это разделение не может вызвать тревогу, потому что у анархической системы мало сторонников, потому что все истинные друзья свободы теперь являются друзьями порядка, итак порядок восторжествует, потому что порядок – это спасение народа»* (1792, 23 sept., dimanche, № 1140, р. 339).

Здесь он выступал против радикальных мер, которые проповедовали крайне левые, Парижская коммуна и поддерживающие ее депутаты. Публикация эта вызвала последствия, которых, быть может, сам ее автор не ожидал. Уже в день выхода номера, то есть 23 сентября 1792 г. на заседании Якобинского клуба депутат Конвента, в лице которого самые крайние идеи всегда имели поддержку, Франсуа Шабо (*фр. François Chabot, 1756–1794*), потребовал от Бриссо явиться в Клуб и объяснить, кого он имел под этой партией «дезорганизаторов». Он обвинял Бриссо в интриганстве, в том, что тот хочет отвлечь население департаментов от якобинцев и прямо заявлял, что именно своих политических врагов жирондистский лидер подразумевает под «дезорганизующей партией». Если эта «зверская клевета» не будет объяснена, то Бриссо — «величайший из негодяев», — ораторствовал Шабо [\[9, р. 327–328\]](#).

На следующем заседании 24 сентября Шабо продолжил свои нападки, обвинив тех, кого Бриссо причислял к «двум третям», в желании создать «федеративное правительство» и

посредством этого восстановить монархию [\[9, p. 329\]](#). Эта самая «федеративность» будет вскоре одним из главных обвинений против жирондистов, которое позволяло инкриминировать им попытку расчленения страны, а следовательно — государственную измену [\[10, с. 2008–2009\]](#).

Бриссо после этого написал в Общество друзей свободы и равенства (так называли себя якобинцы) примирительное письмо, в котором заявлял, что появится на его заседаниях, как только ему это позволит занятость в Конвенте. Однако этого обещания лидер Жиронды так и не выполнил, и это на фоне зреющего недовольства среди членов Якобинского клуба привело в итоге к его исключению оттуда [\[9, p. 330, 376, 378\]](#).

Но исключением из якобинцев для Бриссо и его сторонников все отнюдь не закончилось, а только началось. Как заметил автор классической работы о Французской революции Жюль Мишле, изгнание из Общества друзей свободы и равенства, «становилось шагом к гильотине, первой ступенью эшафота» [\[10, с. 2665\]](#). Еще через несколько дней Якобинский клуб принял и разослал по всем провинциальным клубам специальное обращение, где заявлялось о существовании фракции бриссотинцев, «подлых интриганов», которая всегда препятствовала настоящим патриотам, и сочинения членов которой — *«в том же духе, что и сочинения роялистов, фейянов, умеренных, которые излагали столь же трусливые, как и те, оскорбительные диатрибы против якобинцев и неподкупных патриотов»* и которые *«под сенью Республики хотели утвердиться на развалинах трона»* [\[9, p. 394–399\]](#). Тот же Мишле замечал об этом обращении: *«Разосланное в две или три тысячи провинциальных клубов, зачитанное с их трибун, повторяемые из уст в уста, за неделю распространившееся в геометрической прогрессии, доведенное до сведения миллиона человек, оно обрело неодолимую силу убеждения и бесповоротно внушило мысль что если Неподкупный счел дело решенным, то приговор следует, не рассуждая, принять на веру подобным словам Катона»* [\[11, с. 1807\]](#).

Бриссо ответил на все эти нападки уже через две недели после выхода циркуляра, выпустив брошюру под названием «О парижском обществе якобинцев» (*фр.* J.-P. Brissot, député a la Convention nationale, a tous les républicains de France, sur la société des Jacobins de Paris). Здесь он обвинял друзей свободы и равенства в создании «системы преследования», которая должна «подготовить торжество дезорганизаторов», в том, что они самовольно присвоили себе полномочия надзора за Конвентом и цензуры. Далее Бриссо переходил к прямым обвинениям. Его текст должен был стать чем-то вроде обвинительного акта, едкого памфлета, отповедью «партии дезорганизаторов», под которыми он подразумевал якобинцев, и прямым ответом на разосланный по департаментам циркуляр: *«Я перехожу прямо к существу обвинения; или, вернее, из обвиняемого я сам становлюсь обвинителем, поэтому говорю и повторяю, что существует дезорганизующая партия, малочисленная и по правде ничтожная»*. Он обвинял сторонников радикальных мер в попытках свержения законной власти, в стремлении посеять анархию, в конечном итоге — в тирании, вводимой посредством злоупотребления словосочетанием «народный суверенитет» и внушения части народа, что *«она и есть народ, единственный суверен»*, который *«может все ниспровергнуть, что нет власти больше, чем у нее»*, что государству *«не нужны ни муниципалитеты, ни административные органы, ни исполнительная власть, ни суды, ни вооруженные силы»*. Представители этой партии *«которые хотят нивелировать даже таланты, знания, добродетели, потому что ничего этого у них нет»*. Дезорганизаторы, — заявляет Бриссо, — *«это те, кто хочет всё разрушить и ничего не построить; кто хочет общества без правительства или правительства без власти; кто хочет не конституции, а революций, то*

есть периодических грабежей и массовых убийств». «Что должно получиться в результате этой дезорганизирующей системы? Подлецы господствуют, хорошие люди гибнут или бегут; общество — не что иное, как пустыня; у трудящейся части народа нет ни работы, ни хлеба... Вот пропасть, в которую ведут дезорганизаторы. Поэтому они самые жестокие враги народа» — заключает Бриссо [\[12, p. 4-7\]](#).

Далее он последовательно разбирает и отвергает все обвинения, выдвинутые против него якобинцами — в дружеских отношениях с Лафайетом, в клевете на сентябрьские убийства (которые якобинцы считали священным продолжением свержения монархии, а Бриссо называл заговором против Национального собрания), в развязывании войны, в планах «федерализации» Республики, в роялизме, в провоцировании кровопролития в колонии Сен-Доминго, в стремлении поставить на министерские посты своих друзей.

В последней части своего памфлета Бриссо призывает реформировать Якобинский клуб, поработанный «презренными, гнусными людьми», общество, «где запрещена свобода слова, где маленькое, но шумное меньшинство сковывает мудрое, но слабое большинство; где это мятежное меньшинство с помощью трибун, которыми руководит та же самая тактика, заглушает голос тех, кто хочет с ним бороться; где самые нелепые и ложные доносы принимаются с восторгом, тогда как их оправдание яростно отвергается! <...> где законодателей постоянно высмеивают, где постоянно критикуют Национальный конвент, где постоянно срывают декреты! <...> где, произвольно подвергая ostracism нескольким энергичных депутатов, надеются запугать остальных и вернуть их под иго, осыпать их горечью и оскорблениями! <...> из которого законодатели, уважающие друг друга, вынуждены исключить себя, чтобы не быть свидетелями вопиющего презрения, проявляемого к декретам, и духа бунта, который там проповедуется!» [\[12, p. 30-31\]](#).

Он настаивал на том, что Общество свободы и равенства должно продолжить существовать, «этого требует общественное благо; но оно также требует, чтобы оно, наконец, было полезным, чтобы оно наконец выполнило цель своего учреждения». «Оно выполнит ее, — рассуждал Бриссо, — когда вместо того, чтобы быть вечным театром ложных доносов, центром брожения, ареной, где гладиаторы разрывают друг друга под маской патриотизма, оно станет, как и многие общества в наших департаментах, центром просвещения для его членов и для множества людей, присутствующих на его заседаниях. Оно выполнит ее, когда здесь будут обсуждаться вопросы, стоящие на повестке дня Конвента, когда его декреты будут критиковаться здесь с благопристойностью, когда здесь народная исполнительная власть будет цензурироваться с осмотрительностью и правдивостью, когда беспристрастность будет преобладать в дебатах, когда мнения здесь будут свободны, когда людей не будут вынуждать делать из человека идола, когда, наконец, на проповедников бунтов будут смотреть только с ужасом» [\[12, p. 34\]](#).

Бриссо назвал несколько имен «дезорганизаторов», среди которых главным было имя Робеспьера «чудовища, или слабоумного орудия чудовищ» [\[12, p. 18\]](#).

Неподкупному памфлет «Об обществе якобинцев», возможно, стал известен раньше, чем был 29 октября опубликован, потому что 28 он выступил в Якобинском клубе с речью «О влиянии клеветы на Революцию», ряд отрывков которой отсылают к пассажам Бриссо, в частности такой клеймящего жирондистов фрагмент: «Я был свидетелем того, как делегаты великого народа, презренные марионетки вероломных шарлатанов, предавших отечество, страшились народа, клеветали на него, объявили войну тем уполномоченным народа, которые хотели остаться верными его делу, вменяли им в преступление и

уважение их сограждан, и стихийные выражения народного возмущения, вызванные тиранией. Они тупо верили всем фантастическим бредням о заговорах, грабежах, диктатуре, которыми их пугали. Они аплодировали собственной мудрости, собственной умеренности и гражданской доблести, сокрушая собственными руками ими же воздвигнутые священные основы свободы» [\[13, с. 60\]](#).

В свой речи Робеспьер сначала обрушивается на Лафайета и его «клику» обвиняя их во установлении недостойной Конституции, которая стала *«орудием тирании и гонений»*, в резне в Нанси и на Марсовом поле и во многом другом. Наследниками этой «клики» в устах Робеспьера становятся сторонники Бриссо, которые в новых условиях, уже после установления Республики, *«совершенствуют преступную политику Лафайета»* и которых Неподкупный называет *«интриганы Республики»*: *«После революции 14 июля вам приходилось слышать вопли аристократов об анархии <...> Вы были свидетелями того, как Лафайет и его сообщники повторяли в своей манере те же самые слова, проникнутые тем же духом.*

Как после революции 10 августа, поступает новая клика? Она кричит об анархии, беспрерывно твердит о некой дезорганизующей партии яростных демагогов, которые вводят народ в заблуждение и потакают ему <...> Она лишь заменила слово "мятежники", затасканное ее предшественниками, менее тривиальным словом "смутьяны" <...> Кому же предъявляет она свои обвинения? Аристократам, эмигрантам, роялистам? Нет. Фельянам? Лицемерам умеренным? Патриотам, чье республиканское усердие ведет свое начало от 10 августа? Нет, ее упреки адресуются тем патриотам, чуждым всяческому кликам и неколебимо приверженным общественному благу, которые с начала революции избрали путь, ведущий к единственной цели любой конституции свободы — к царству справедливости и равенства <...>

Аристократы и фельяны всегда находили предлог, чтобы посягнуть на права народа и унизить его достоинство. Интриганы республики рабски копируют их в этом» [\[13, с. 63\]](#).

В принципе, в этих обвинениях не было почти ничего нового. Бриссо как верного последователя Лафайета изображал в своих текстах еще до свержения монархии Демулен. Разницу обуславливали изменения внешнего контекста. У Демулена Бриссо оказывался верным помощником Лафайета во всех его начинаниях. Текст Робеспьера был создан, когда Лафайет уже бежал из Франции. Поэтому лидер жирондистов вместе со своими сторонниками оказывается последователем дела беглого генерала.

«Отвратительный пасквиль»

Брошюра Бриссо, не лишенная разумных аргументов, не могла остановить маховик противостояния. Он раскручивался все сильнее и Робеспьер на протяжении остатка осени, зимы и весны периодически обрушивал свои филиппики на жирондистов. Именно в контексте выступлений Робеспьера следует рассматривать последний выпад Демулена против Бриссо — его памфлет под названием *«История бриссотинцев или Фрагмент тайной истории Революции и первых шести месяцев Республики»* (фр. *Histoire des Brissotins, ou, Fragment de l'histoire secrète de la révolution, et des six premiers mois de la République*).

Этот текст Демулен создал весной 1793 г., он был утвержден в собрании Якобинского клуба, поэтому не лишено логики предположение, высказанное Ж. Жоресом о том, что это была акция всего Клуба, а не лично Демулена: *«Они (якобинцы — А. Г.) выпустили памфлет Камиля Демулена, точно бросили факел»* [\[14, с. 531\]](#). Но верно и другое:

Прокурор фонаря, лелея свою давнюю обиду, явно «перегнул палку». Ж. Мишле констатировал по этому поводу: *«Справедливо порицаемый Бриссо за помощь разным недостойным людям, интриганам и игрокам, Камиль обратился за поддержкой к Робеспьеру и, желая оказать ему услугу, написал ужасный памфлет. Его "История бриссотинцев" как ничто другое способствовала гибели жирондистов. Отвратительный пасквиль, жестокая игра рассерженного дитяти, не понимающего, что играет он с гильотиной...»* [\[10, с. 2153\]](#).

Далее историк подметил одну важнейшую особенность демуленовского текста: *«Если внимательно читать "Историю бриссотинцев", что она представляет собой пылкое, вдохновенное, сатирическое переложение речей Робеспьера против Жиронды. Во всем, что касается логической последовательности мыслей, изобретательного выискивания сомнительных параллелей, язвительная сатира тщательно, порой рабски копировала серьезное сочинение»* [\[10, с. 2154\]](#). Действительно, «серьезные» речи Робеспьера не могли оказать такого ошеломляющего эмоционального влияния на толпу, они и произносились не перед ней и не для нее. Демулен же мог привести толпу в движение всего несколькими фразами и делал это привычно и безошибочно еще с 12 июля 1789 г., когда его речь со столика в саду Пале-Рояль заставила пойти на штурм Бастилии.

Суть памфлета сводилась к тому, что Бриссо и его сторонники — агенты английского премьер-министра Уильяма Питта. Они сначала помогли Англии спровоцировать революцию во Франции, чтобы английское правительство смогло *«получить с Людовика XVI переводной вексель, выданный Ришелье в 1641 г. на Карла I»*, а потом встали на путь национального предательства, составив страшный заговор против молодой Республики: *«Я утверждаю как факт, что правая сторона Конвента и особенно ее вожаки — почти все сторонники королевской власти, сообщники измен Дюмуре <...>, руководимые агентами Питта, Орлеанского и Пруссии, что они хотели разделить Францию на двадцать или тридцать республик, связанных узами федерации, или, вернее, разрушить ее, чтобы не было совсем республики. Я утверждаю, что никогда в истории не было заговора более очевидно доказанного, путем множества более сильных презумпций, чем заговор, который я называю заговором бриссотинцев, потому что Бриссо был его душой, и который направлен против Французской Республики»* [\[15, р. 5: перевод приведен по: 14, с. 532\]](#).

При этом от представления публике каких-либо фактов Демулен себя заранее освободил, сославшись на то, что сами жирондисты, раскрывая заговор Австрийского комитета Марии-Антуанетты, никаких фактов не представляли: *«было бы недобросовестно требовать от нас фактов, доказывающих наличие заговора. Единственное, что запомнилось от пресловутых речей Бриссо и Жансонне, доказывавших существование австрийского комитета,— это то, как они заявляли, вполне основательно, что, когда речь идет о заговоре, нелепо требовать наглядных доказательств, судебных улик, их никогда не было, даже в заговоре Катилины, ибо у заговорщиков не принято действовать открыто»* [\[15, р. 4-5; перевод приведен по: 14, с. 532\]](#).

Здесь мы имеем дело с характерным для любой революции противопоставлением фактов, являющихся основой старых юридических норм, и «революционного сознания», способного без тщательного расследования дела, безошибочно определять врагов народа. За этим противопоставлением стоит отождествление якобинцев, как наиболее последовательных носителей революционного сознания, и Республики. С этой точки зрения, не судьи и следователи определяют вину подозреваемого, а как бы сама Республика отчетливо видит своих друзей и врагов.

Демулену в пылу смертельной полемики сказавшему о своем памфлете: «Тот, кто его выслушает, тотчас спросит: Где эшафот?»^[14, с. 534], наверное, не приходило в голову, что подобная «революционная законность» обернется не только против жирондистов, отправив их осенью 1793 г. на гильотину — как отметил Ж. Мишле, «в октябре 93-го года Камиль кровавыми слезами оплакивал этот памфлет»^[10, с. 2153] — но и уже в самое ближайшее время против него самого. Он жестоко раскается в этом, воскликнув во время вынесения приговора бриссотинцам: «Ведь это мой "Разоблаченный Бриссо" убивает их!»^[16, с. 116]. Но будет уже слишком поздно...

Библиография

1. Имашева О.А. Персонология: о понятиях «образ автора» и «языковая личность» // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник трудов кафедры лингвистики и иностранных языков. М.: РГУ им. Косыгина, 2024. С. 13–16.
2. Дегтярева А.Н. Структура категории «образ автора» в художественном дискурсе // Российский лингвистический бюллетень. 2023. № 3(39). URL: <https://rulb.org/archive/3-39-2023-march/10.18454/RULB.2023.39.17>.
3. Вerezубова Е.Е., Шведчикова М.С. Язык и символы нового общества во Франции эпохи революции // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: сборник материалов V Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 9-10 марта 2023 г. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 66–69.
4. Janssens J. Camille Desmoulins. Le premier républicain de France. Paris : Perrin, 1973. 781 p.
5. Buchez Ph.-J.-B. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815: 40 vol. Paris : Paulin, 1834. Т. 13. XV, 455 p.
6. Desmoulin C. Jean-Pierre Brissot Démasqué. Paris : [s.l.], [1792]. 60 p.
7. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции: в 6 т. М.: Прогресс, 1978. Т. 2. 647 с.: ил.
8. Гончарова Т. Н. «Пусть погибнут колонии, но не принцип!» Вопрос об упразднении рабства во французских колониях в 1789–1794 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2021. № 21(2). С. 37–54.
9. La Société des Jacobins : recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris: 6 vol. Paris : Quantin, 1892. Т. 4. 709 p.
10. Мишле Ж. История Французской революции: в 6 т. / пер. с фр. М.: Ладомир, 2022. Т. 4. 752 с.: ил. (Литературные памятники).
11. Мишле Ж. История Французской революции: в 6 т. / пер. с фр. М.: Ладомир, 2022. Т. 3. 636 с.: ил. (Литературные памятники).
12. Brissot J.-P. J.-P. Brissot, député a la Convention nationale, a tous les républicains de France, sur la société des Jacobins de Paris. Paris: L'Imprimerie du Patriote François, 1792. 47 p.
13. Робеспьер М. Избранные произведения: в 3 т. М.: Наука, 1965. Т. 2. 399 с.
14. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции: в 6 т. М.: Прогресс, 1983. Т. 5. 766 с.: ил.
15. Desmoulin C. Histoire des Brissotins, ou, Fragment de l'histoire secrète de la révolution, et des six premiers mois de la République. Paris: l'imprimerie patriotique et républicaine, 1793. 80 p.
16. Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Воспоминания современников и документы: в 2 ч. Петроград: Былое, 1918. Ч. 1. 142, [1] с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу языковых личностей и образов авторов Бриссо и Демулена, как революционеров и журналистов. Отмечается, что «одним из самых ярких явлений в журналистике второго периода Революции была полемика лидера жирондистов Жака-Пьера Бриссо (Jacques-Pierre Brissot de Warville, 1754–1793) и адвоката Камиля Демулена (Lucie-Simplice-Camille-Benoît Desmoulins, 1760–1794), выражающего взгляды монтаньяров или якобинцев, которых правомерно так называть с момента вытеснения ими жирондистов из Якобинского клуба». Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов: во-первых, всё возрастающим интересом к изучению языковой личности как динамического, развивающегося феномена; во-вторых, собственно персоналиями Демулена и Бриссо («Деятели переломных, судьбоносных эпох, каковой является, безусловно, эпоха Французской революции, в этом смысле представляют несомненный интерес, т. к. их языковая личность и ее тезаурус складываются в экстраординарных быстро меняющихся обстоятельствах»).

Теоретической базой исследования явились в основном исторические труды (Робеспьер М. Избранные произведения, 1965; Brissot J.-P. J.-P. Brissot, député a la Convention nationale, a tous les républicains de France, sur la société des Jacobins de Paris, 1792; Desmoulin C. Histoire des Brissotins, ou, Fragment de l'histoire secrète de la révolution, et des six premiers mois de la République, 1793; Buchez Ph.-J.-B. Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des assemblées nationales depuis 1789 jusqu'en 1815, 1834 и др.), а также актуальные научные работы по вопросам языковой личности, образа автора, Французской республике эпохи революции (О. А. Имашева, А. Н. Дегтярева, Е. Е. Вerezубова, М. С. Шведчикова). Библиография состоит из 16 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Однако, по мнению рецензента, некоторые оригинальные выдержки из исторических текстов Камиля Демулена и Жака-Пьера Бриссо слишком объемные.

Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, биографический метод, сравнительно-исторический и описательный методы, а также метод дискурсивного анализа, который сочетает изучение лингвистических особенностей текста источника и различных экстралингвистических аспектов. Автор(ы) подчёркивают, что статья не претендует на всеобъемлющий анализ языковых личностей Бриссо и Демулена, т. к. рассматривает лишь ограниченный комплекс их текстов и в большей степени сосредоточено на историческом аспекте журналистского творчества, нежели вопросах медиалингвистики. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили провести последовательный разбор языковых личностей и образов авторов Бриссо и Демулена, талантливых политиков и журналистов эпохи Великой Французской революции, и сформулировать ряд выводов.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в развитие теории дискурса, социолингвистики, политической лингвистики, языковой личности. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в процессе дальнейшего изучения языковых личностей Камиля Демулена и Жака-Пьера Бриссо и французской революционной журналистики.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется

логичностью и доступностью. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».